
ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ, ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ КОНКУРЕНЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ¹

А.И. Неклесса

*Центр цивилизационных и региональных исследований
Института Африки РАН. Комиссия по социальным и культурным
проблемам глобализации Научного совета
«История мировой культуры» при Президиуме РАН*

В связи с очередной годовщиной террористической атаки 11 сентября анализируется проблема исторического транзита – глобальной трансформации мироустройства, динамики институтов знания, расширения предметного поля применения теории сложных систем. Рассматривается актуальное состояние системы мировых связей, изменения в ее фактической номенклатуре, структуре политической организации и методологии стратегического планирования. Оцениваются исторические и типологические преимущества и недостатки политических субъектов, влияющие на успешность прохождения постсовременного барьера.

Ключевые слова: глобальная трансформация, институты знания, сложность, стратегическое планирование, государство, власть, история, постсовременность, Россия.

Мир – это живой огонь...

Гераклит

История телеологична. Развитие социосистем не тождественно, но, по сути, аналогично генеральному эволюционному коду. Последовательное усложнение социокосмоса – следствие обращения и устремленности к предзаданному идеалу. Смысл процесса – становление и преобразование человека, освоение и отторжение среды, преодоление физических ограничений и биосоциальных пределов, совокупно воплощая геном истории.

Повороты летописания сопровождаются кризисами, обретающими со временем символический статус. Трагедия 11 сентября – событие, приведшее к объявлению крупнейшей державой войны необычному противнику: распределенному множеству террористических организаций, лишенных признаков государственности и не обладающих регулярными вооруженными силами, – одно из свидетельств и тень происходящего переворота.

Состязание политий, обществ, укладов с несовпадающими, подчас химеричными принципами организации, реестрами ценностей и программами мироустройства опознается как эволюционный конфликт – видовая и цивили-

¹ Статья написана на основе выступления на XXIX Международном экономическом форуме (3–5.09.2019, Крыница-Здруй, Польша).

лизационная конкуренция. Обитающие на планете персонажи используют разные алгоритмы развития. Вопрос в том, какие здесь и сейчас оказываются доминантными. В человеческой вселенной применяются стратегии: личного успеха («викария из Брея»), корпоративные («красной королевы»), социокультурные («полифонического резонанса»), ценностные («стратегия черепахи»), а также их изменчивые сочетания [1].

Данный список не является исчерпывающим. Не исключен выбор – личностями, сообществами, государствами – подспудной либо явной версии «культуры смерти»: суммы практик разрушения цивилизации и самоуничтожения [2].

1. Путь волхвов

Исторические перевороты предваряются революцией сознания – трансформацией картины мира, социальной ментальности, методов познания с последующей коррекцией практики и образа жизни.

В свое время сомнения парижского епископата (Этьен Тампье) в способности человеческого ума познавать при помощи аристотелевой логики основы бытия заложили фундамент новоевропейской науки. Приоритет в вынесении вердикта был фактически отдан свободному от игр разума арбитру – свидетельству созданной нечеловеческим актом и потому не ограниченной рамками людской ментальности «Книги природы»: эксперименту [3. Р. 181]. «Новая физика» как инструментальное декодирование естественных законов в своей глубинной сути – попытка прочесть запечатленный в творении язык и тем самым отчасти постигнуть логику Творца, а не просто стройная комбинация разумных предположений (гипотез). Следствием данной коррекции режима знания стало представление о невообразимой сложности мира и техническая мощь современной цивилизации. Секулярность – этот отличительный признак современности – также возникает как проекция христианской концепции бытия [4]. Признание естественности высокого достоинства человека, наделенного Творцом неотчуждаемыми правами, «к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью» (Томас Джефферсон [5]), его способности к выбору, созиданию и обновлению, перемалывает многие препоны, воплощаясь в психологическом самоопределении, индивидуальной ответственности, политических правах. Происходит «расколдовывание мира» (Макс Вебер [6]), сопровождаемое деконструкцией религиозного традиционализма.

Процесс декларируется как преодоление «совершеннолетним человеком» в «повзрослевшем мире» мифологических отождествлений и традиционалистских подчинений, «самоосвобождение от пут, привязывающих человека к прошлому, к природе, клану и идолам» (Эрих Фромм [7]). Утверждаются постулаты интеллектуальной и национальной самоидентификации, веротерпимости, универсальной толерантности. Общество обретает право на суверенитет, отделяя приватное и социальное от тотальности многовекового

синкрезиса. Политические и юридические гарантии свободы выбора, волеизъявления и его манифестаций суть следствия подобного модуса.

Установления, порожденные христианской мыслью и культурой, со временем выходят за пределы религиозной оболочки и, возвращаясь в социальные пространства, переосмысляются. Возникают концепции «безрелигиозного христианства» (Дитрих Бонхёффер [8]), «политического богословия» (Йоханнес Метц [9]), «нетеистического теизма» (Доротея Зёлле [10]). Поиск истины устремляется к универсальной связности: горизонты и маршруты постсекулярности сопряжены с усложнением картины мира, его запутанной морфологией, нелинейной динамикой и регенерацией живой целостности – когеренцией бытия, личности и познания.

Камертон иного, путеводная звезда истории – предписанный, но не сыгранный сценарий: реальность выше рациональности. Истина прозревается, а правда зависит от позиции и намерений наблюдателя: содержание событий тесно связано с их восприятием. Персональный кризис расчленяет коллективный сюжет, происходит «разжатие бытия» (Жан Поль Сартр [11]) и диссипация будущего. Творческая реализация и личностная эмансипация, влекомые как высотными границами, так и ложными перспективами, созидательные и разрушительные, состязаются с рецидивами массового общества, консьюмеризмом и политическим популизмом.

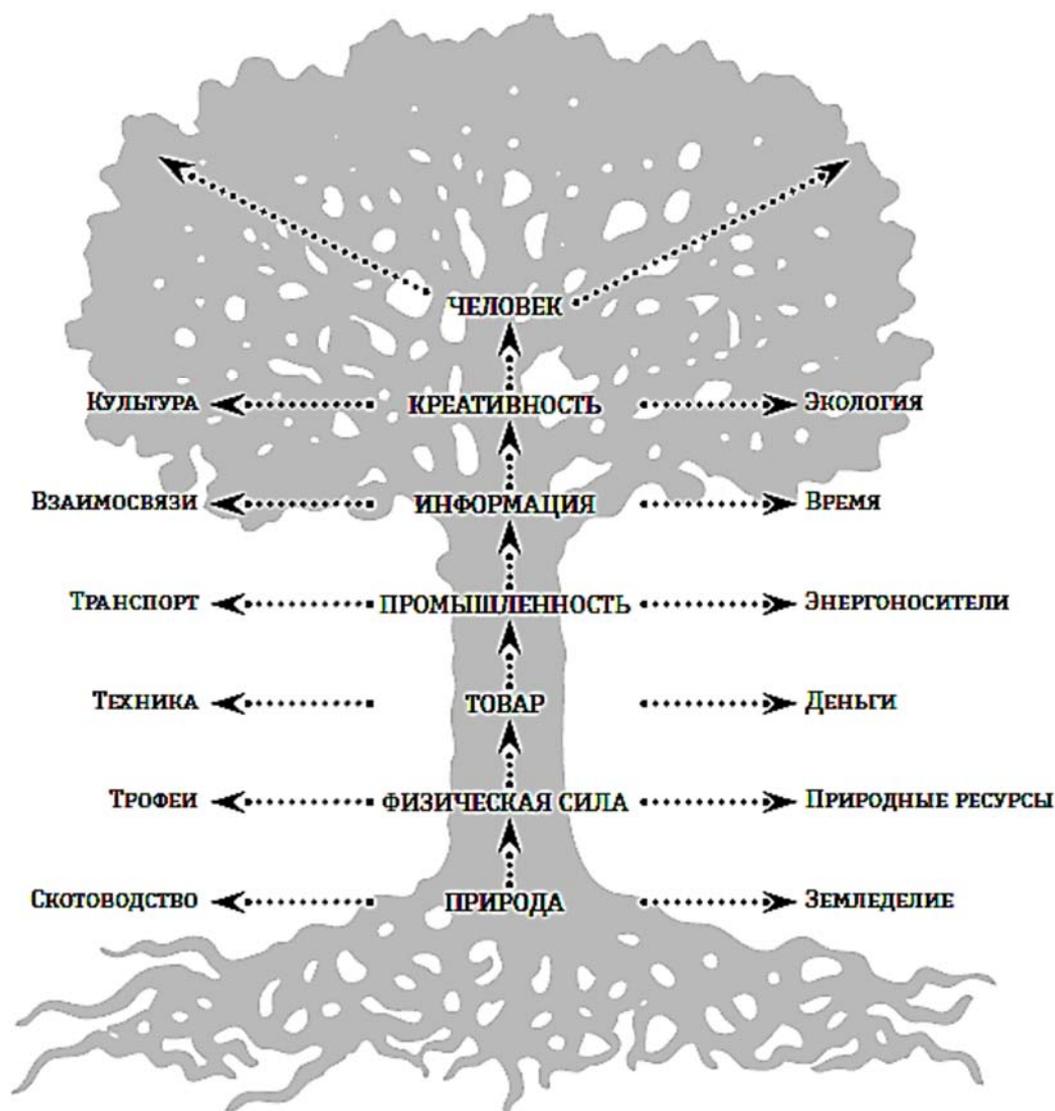
Индустриальный конструктивизм современности сменяется личностным органицизмом новой эпохи, трансцендируя формально-логические, позитивистские интерпретации природы вещей и сути событий, отменяя поглощение особенного общим, усечение несжимаемого, игнорирование артефактов и сегрегацию апорий. Реализация промысленных ситуаций сочетается с бременем случайностей, обилием вероятностей, уводящих развитие по множеству несовпадающих векторов. Лишь входя в резонанс с этой алогичной полнотой, усилие и его результат преобразуются в бытие.

Стационарный порядок разрушается, на планете рождается и утверждается сложный динамичный строй. Постсовременный ландшафт – это подвижный лабиринт синхронностей, симуляций и обертонов. Прогнозирование будущего преодолевает представления о должном, имеющем основания, но не обладающем бытием. Стремление к овладению и управлению новизной (со всей ее двусмысленностью) доминирует над индустриальной экспансией, качественные и неизмеримые характеристики – над количественными показателями, гештальт над процедурами исчисления, репликацией и перераспределением достигнутого.

2. Человек расправляет крылья

Стратегическое планирование не тождественно искусству стратегии, но тесно связано с ним. Суть стратегии – определение оптимального пути для достижения цели, она подобна дорожной карте, где расчёт маршрута производится не с помощью формальных геометрических калькуляций,

а в соответствии с императивом цели, актуальными обстоятельствами, техническими возможностями передвижения и продвижения.

Особый импульс искусство стратегии получило в годы 2-й Мировой войны, когда планирование крупных операций, политика и логистика реализовывались с учетом сложностей и масштаба глобального контекста со множеством переменных, обнаруживая неизвестные ранее закономерности и методы действия. В послевоенный период этот опыт развернутых в пространстве-времени боевых и тыловых операций конвертируется в знание, используемое в гражданской сфере, стимулируя разработку больших и долгосрочных проектов (то есть продуктов стратегического планирования). Данный вид проектирования осуществлялся преимущественно на основе системного анализа, а из центров подобного рода известность получила связанная с военным ведомством корпорация РЭНД.

В 1970-е годы заметным явлением в сфере социального прогнозирования становятся доклады Римскому клубу [12]. Представленный в них подход – активное представление будущего (Эрих Янч [13]) – базировался на трех принципах, сформулированных отцом-основателем клуба Аурелио Печчеи: глобальность, долгосрочность, трансдисциплинарность (холизм). В качестве исследовательского инструментария применялась методология системной (индустриальной, мировой) динамики, разработанная Джеймсом Форрестером.

В конце XX века формулируются и развиваются методы социального проектирования и прогнозирования на основе концептов матричного анализа, рефлексивного управления, синергетики и т.п. Складывается методология анализа сложных систем и проведения комплексных операций, замещающая принцип глобальности фрактальной масштабностью, долгосрочность – нелинейной динамикой, а трансдисциплинарные обобщения – перспективной уникальностью. Управление в условиях неопределенности и хаотизации реализуется посредством соответствующих аттракторов. Наибольшую известность из интеллектуальных центров, занимающихся проблемой сложности и динамикой высокоадаптивных систем, получил Институт Санта Фе, основанный группой ученых преимущественно из Лос-Аламосской лаборатории.

Мир предстает более драматичным, нежели логичным, человек мыслит настоящее парадоксами, подправляя результат логикой. Процессы опознаются и декодируются при помощи концептов самоподдерживающегося развития, самоорганизующейся критичности, динамического хаоса, инициируя «новый диалог человека с природой» (Илья Пригожин [14]) с использованием негативной диалектики (Теодор Адорно [15]) и деконструкции бинарных суждений (Жак Деррида [16]) как более адекватного инструментария для ориентации сложного человека в сложном мире и освоения парадоксов «невыносимой сложности бытия». Обретается новая исследовательская позиция и перспектива, допускающая присутствие метафизических смыслов и мультикультурных языков в легитимном дискурсивном пространстве.

Будущее определяется пропорцией настоящего в текущем. Постсовременные операторы продуцируют среду, в которой стратегические преимущества переходят к структурам и системам, способным эффективно функционировать в ситуациях новизны и неопределенности. Акторы XXI века – не институты и учреждения в привычном понимании, но распределенные по планете успешно капитализированные пространства действия: средоточия коммуникационно-связных и универсально координируемых разноформатных объектов, акций и целей. Это многослойная перестройка универсума и перенастройка человеческой природы: познание окрыляет. Изменяются модели поведения и структуры лояльности, понимание суверенитета и базовых активов, соотношение уникального и конвенционального, вероятного и тривиального, баланс обретений и утрат, объем возможностей и сумма рисков.

Интеллектуально глобальная трансформация завораживает, однако на практике грозит скатыванием в неуправляемый хаос. Правила изменились. Социальный императив ситуации – опознание перспективных моделей управления/поведения в подвижном универсуме виртуальных (*de facto*) конфедераций, где контракт понятие относительное, нет цивилизационного суда и плодятся слабоформализованные, лишь косвенно связанные с национальными доменами персонажи. Возникает множество головоломок: от определения функциональных прописей до представления генеральной модели – новых правил игры. Дело не только в экономическом или военно-промышленном состязании, отраженном в переговорном процессе национальных государств – по большому счету это конструкции уходящей эпохи.

3. Государство и Власть

Во времена перемен приходится вести речь об основаниях, чтобы, различая тривиальное, иное и случайное, представлять смысл исторического перекрестка и подлинное направление маршрута.

Генезис современного общества был транзитом от сословного к гражданскому статусу. Иначе говоря, от персонификации источника власти в виде сюзерена-монарха или феодала к нации как суверенному (самовластному) сообществу граждан, что влекло переустройство всех политических институтов, формируя динамичную среду гибких общественных связей. Складывалась система представительной демократии: «гражданское политическое сообщество для установления более совершенного порядка» (Мэйфлауэрское соглашение [17]). Подданные переставали быть объектами и становились гражданами, определяющими формат и содержание органов управления.

Исполнительная власть – *министры* (от лат. *minister* – «малой», «служитель») – утрачивали подчиненность прежнему сюзерену, став «слугами народа». Законодательная власть – *депутаты* (от лат. «посланный», «заместитель») – являлись представителями нации, принимающими от ее лица законы, устанавливая правопорядок и ранжируя действия исполнителей, определяя объем необходимых для эффективного управления средств, способы обретения и распределение оных. Президент, если таковой наличествует в системе (как эрзац от монархии, здесь же своего рода *мажордом*, то есть управляющий), проходит обряд *инаугурации*, то есть принесения *вассальной присяги* своему сюзерену – народу. А за соблюдением клятв и процедур наблюдает судебная система, руководствуясь основополагающими принципами – конституцией. В случае же «если какая-либо форма правительства становится губительной... народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье» (Декларация независимости США [5]).

Народ как властитель обладает правом на выражение своей воли словом и действием (свобода слова, печати, манифестаций, выборов), органы же делегированной («управленческой», то есть «государственной») власти (служители и представители властителя-народа) подконтрольны и обязаны информировать общество, отчитываясь в своих действиях (публичность политики, прозрачность документооборота, доступность информации). Попытки узурпировать власть, то есть отлучить народ от нее тем или иным образом, являются покушением на его права сюзерена-суверена («величества»), представляя особый вид преступления – государственную измену.

Трансформация порядка вещей – производное от воспламеняющихся очагов будущего: диахронных плацдармов настоящего, отрицающего прошлое. XX век был периодом обширной реконструкции социальной вселенной. Демонтаж сословных перегородок, демократизация и либерализация Запада сопровождалась универсальной эмансипацией и культурно-демографической экспансией постколониального мира. Кризис и деконструкция имперских структур, сначала континентальных, затем морских, сформировали на обломках многочисленное и пестрое сообщество национальных государств. Происходящее сейчас – следующий акт исторической драмы.

Система международных отношений расширяет фактическую номенклатуру, преобразуясь в совокупность гибких и разнородных мировых связей. Наряду с национальной государственностью в постсовременном космосе состязаются иные форматы политической и социальной организации: мировые регулирующие органы, страны-системы, асимметричные союзы и полифоничные содружества, субсидиарные управления и сепаратистские образования, государства-корпорации и корпорации-государства, глобальные племена и социальные сети. Клань, ведомства, олигархи, люди-предприятия (*manterprisers*) соучаствуют в динамичной диверсификации практики как автономные субъекты и влиятельные аутсорсинговые агенты. Все они по своему трансформируют национальный и профанируют гражданский суверенитет.

Определяющим моментом эволюционной динамики является все же не эффект внешнеполитического действия, но развитие конкурирующих организмов, положительный баланс обретенных умений и сохраняющихся обременений. Результативность сообществ существенно разнится в зависимости от геокультуры, типа организации, избранной стратегии и антропологических преимуществ. В новой среде приходится мыслить мир в динамике; руководствоваться не фактами, а тенденциями; понимать под актуальностью не то, что здесь и сейчас, но что на полшага впереди; избегать упоения и управления прошлым. Пиноккио, который в отличие от Буратино не приобрел сказочное театральное имущество, но совершил подвиг преображения из куклы в человека, говорил: «Прошлое прошло, и лучше оставить его в покое».

Грядущее – кризис столкновения с иным: самоопределение и самопреодоление во времени, обретается в постижениях и достижениях, а не воспроизводством конъюнктурных состояний и примелькавшихся личин.

4. Семантическая коррупция

Язык отражает и формирует психику, определяя механизмы восприятия и параметры поведения, обуславливая на подсознательном уровне, что есть «правильно-неправильно», «хорошо-плохо». В России власть мыслится посредством государства, образуя специфический случай коллективного политического творчества – амбивалентную версию *gouvernementalité* (Мишель Фуко [18]), что подтверждает значение геокультуры.

Являясь большим континентальным пространством, Россия во всех своих метаморфозах: Российской империи, СССР, РФ – не сумела подвергнуть деконструкции властную монополию (в той или иной степени) авторитарной либо олигархической потестарности со своим понятийно-правовым аппаратом, лишь беременной «смертным богом» – Левиафаном, и воплотить в политической системе совокупность принципов современного государства, даже когда пыталась их декларировать. Что оказалось еще большим препятствием при очередной трансформации – продвижении мира к постсовременному укладу. Ситуация усугубляется фактической пролонгацией квазиимперского статуса: политического обременения в виде централизованного управления обширными пространствами и разнородными культурами. Подобный организм, даже будучи модифицирован, испытывает затруднения при освоении динамичных прописей нового эона.

Историей засвидетельствованы различные пути и способы разрешения затруднительных обстоятельств: генезис Австрии, Турции, непростой опыт Германии, деимпериализация Испании, Португалии, Франции. Примеры же эффективного освоения будущего наряду с удержанием политических множеств в объединяющей рамке: федерализация выстраивавшихся с «чистого листа» Соединенных Штатов или конструирование на основе исторического наследия Содружества Наций – проекты, сумевшие достичь в весьма различных форматах сопряжение многочисленных (более 50) субъектов.

У проблемы реорганизации политического тела России своя специфика. И дело не только в качестве политического класса или других активно обсуждаемых реалиях. Государство – «овеществление» политических практик, синтетическая проекция, декогеренция власти, ее субъективация. Всевластие аппарата, подавляющее самодеятельность общества и самоорганизацию регионов, коренится и резонирует в российской социальной ментальности, его определяющей: люди не осознают себя в качестве «властного субъекта», страну же воспринимают как «управленческую конструкцию на определенной территории», а не «суверенное политическое сообщество». Россия в сознании россиян – это *государство (господарство)*, что фиксирует объектность людей, их подданство аппарату, а не гражданство, то есть

субъектность. Источник власти осознается не как совокупность граждан, выбирающих и утверждающих направление действий из конкурирующих программ, но скорее как имманентная «властная вертикаль», причем с опрокинутым вектором власти².

Если в современных странах *government* мыслится как подотчетные органы управления делегированной властью, формируемые и утверждаемые источником власти – народом, то в России они артикулируются как сама «власть» («самовластие»). И даже претендуют в законотворческих усилиях и судебных разбирательствах на статус самостоятельной социальной группы. Другими словами, демонстрируют регресс к сословному обществу. Отсюда, кстати, вопрошающий формат «претензий к власти» (отказ от позиции самоуправления). Примерно так же обстоят дела с заявленным, но не реализованным федерализмом.

Новодел сословного «господарства» при отсутствии у народа интенции и потенции самоуправления уплотняется и деградирует со временем в особую «дикую сословность»: синтез чиновничье-олигархического-криминального произвола, пронизывающего страну сверху донизу. «Мерзкая мощь» (Клайв С. Льюис [20]) навязывает обществу, продвигает и закрепляет посредством захваченных средств и покоренных душ свою эрзац-культурную идентичность, стилистику, практику, стремясь «истребить или сделать себе подобными» (Дмитрий Мережковский [21]), общество же травмировано, угнетено, пассивно – происходит развоплощение и угасание сложных смыслов, растет примитивизация среды. Но поскольку сегодня в мире активы и преимущества коренятся не в масштабах территорий или численности госаппарата, а в качествах, талантах личности и диверсифицированной самодеятельности общества, Россия все чаще оказывается «вне игры», закрепляясь по ряду параметров в группе проблемных стран и находя в этой среде своих союзников.

Анализ российской политической лексики показывает специфический дефицит категорий, скудость политического дискурса и вокабуляра – своеобразную семантическую немоту, стратегическую пустоту обессточенного социополитического пространства. Так, для обозначения суверенного сообщества в русском языке используются термины: *государство/держава* (о чем шла речь выше) и *страна*, практическими (неполными) аналогами которых являются *kingdom/government* и *country*. Но фактически невозможен адекватный перевод таких основополагающих современных категорий, как *state* или *nation*. Первое превратилось в невнятные «штаты» либо заместились «государством», а второе постоянно слипается с этносом, создавая смысловые ребусы и практические коллизии. Само понятие «национальное государство» оказывается едва ли применимо к России, житейское подтверждение чему – ответы россиян на вопрос о национальности (в бланках при

² Конституция Российской Федерации. «Статья 3. 1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [19].

пересечении некоторых границ), которые порой ставят пограничников в тупик.

Дело в том, что *state, état* обозначает политическое образование как совокупность индивидов политики, имея исток в таких реалиях, как, например, «третье сословие» (*tiers état*), «Генеральные штаты» (*États Généraux*) – отсюда «Соединенные Штаты» (*United States*, точнее от нидерландского *Staten-Generaal*). Или, как более понятное нам, – «штат сотрудников». А капитализируется оно в том самом, невнятном для россиян понятии «нация» – *nation* (отсюда не Организация Объединенных Государств, а Организация Объединенных Наций), возвращая нас к понятию *res publica* как «общее дело, состояние, содружество» (*commonwealth*). Свободная гражданская ассоциация и культурная консолидация замещают принудительное подданство аппарату. Иначе говоря, суверенная страна – не система управления или территория, а нация, со-организованный народ, люди.

Запутанность в политологических категориях, привычка мыслить прошлым, сужать и обнулять правовое поле отражают не только состояние российской социальной ментальности, ее *stumbling-block*, но также второсортность управленческого инструментария, ущербность рабочей карты и ограниченный, «технический» модус социальных, гуманитарных дисциплин в России. Процесс перемен между тем ускоряется, глубина переворота, значение нематериальных активов, разнообразия и отлаженности общественных связей, роль образования и морали возрастают. Как следствие – сильнее проявляется социокультурная гравитация одних ареалов и токсичность других, формируя миграционные потоки и преобразуя картографию человеческой вселенной.

Мир изменился. В нем складываются гибкие антропологические кластеры и создаются непростые социальные конструкции, понимание характера и перспектив которых нуждается в глубокой рефлексии. Усложнение объектов сопряжено с императивом адекватного режима управления, акценты смещаются с централизованного контроля на высокоадаптивную самоорганизацию. Речь фактически идет о постсовременном барьере, преодоление которого невозможно для ригидных, упрощенных и синкретичных структур. Как результат, неизбежно – рано или поздно – начинающаяся в их недрах авральная перестройка рискует обернуться политической какофонией и завершиться катастрофой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Неклесса А.И. Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсовременного общежития // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 4. – С. 149–164. – URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.11>
2. Неклесса А.И. Культура смерти // Азия и Африка сегодня. – 2006. – № 2. – С. 3–11.
3. Grant E. Science and Religion, 400 BC to AD 1550: from Aristotle to Copernicus. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2006. – 328 p.

4. *Кокс Х.* Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. – М.: «Восточная литература» РАН, 1995. – 263 с.
5. Declaration of Independence: A Transcription. – URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript>
6. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44–271.
7. *Фромм Э.* Библейская концепция человека. – URL: <https://unotices.com/book.php?id=85772>
8. *Антропов В.В.* Этика и религия в «Безрелигиозном христианстве» Дитриха Бонхёффера // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2005. – № 6. – С. 58–124.
9. *Metz J.B.* A passion for God: the mystical-political dimension of Christianity. – Paulist Press, 1998. – 212 p.
10. *Sölle D.* Theology for Skeptics: Reflections on God. – Augsburg Fortress Publishing, 1995. – 126 p.
11. *Сартр Ж.П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
12. *Римский клуб.* История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы / сост.: Д.М. Гвишиани, А.И. Колчин, Е.В. Нетесова, А.А. Сейтов. – М.: УРСС, 1997. – 384 с.
13. *Янч Э.* Прогнозирование научно-технического прогресса. – М.: Прогресс, 1974. – 592 с.
14. *Пригожин И.* Конец определённости. Время, хаос и новые законы природы. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. – 208 с.
15. *Адорно Т.* Негативная диалектика. – М.: Научный мир, 2003. – 374 с.
16. *Деррида Ж.* О грамματοлогии. – М.: Ad Marginem, 2000. – 512 p.
17. Mayflower compact. – URL: <https://www.mayflowercompact.org/>
18. *Foucault M.* Governmentality. The Foucault Effect. Studies in Governmentality. G. Burchell, C. Gordon, P. Miller (eds). – Chicago: University of Chicago Press, 1991. – P. 87–104.
19. Конституция Российской Федерации. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
20. *Lewis C.S.* That Hideous Strength. Samizdat. – Quebec, 2015. – 362 p.
21. *Мережковский Д.С.* Большевизм и человечество // Парижский вестник. – 08.01.1944. – № 81. – С. 5–6.

GLOBAL TRANSFORMATION, CIVILIZATIONAL COMPETITION AND SOCIAL MENTALITY³

A.I. Neklessa

*Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences
Commission on Socio-Cultural Issues of Globalization of the Academic Council
“History of the World Culture” at the Presidium of the RAS*

In connection with the current anniversary of September 11th terrorist attack, the global transformation, dynamics of knowledge institutions and role of theory of complex systems in social sciences are discussed. The present state of the global relations system, changes in the structure of political organization and perspective methodology of strategic planning have been analyzed. The advantages and disadvantages of political subjects that affect the successful passage of the postmodern barrier have been evaluated as well.

Keywords: global transformation, knowledge, complexity, strategic planning, government, nation, post-modernity, history, Russia.

³ The article is based on the report presented at the XXIX Economic Forum (5.09.2019-3, Krynica-Zdrój, Poland).